

DOI 10.21672/1818-510X-2019-60-3-184-190

КОНСТАНТЫ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОЙРАТОВ³⁸

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, доцент, профессор
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Эрендженова Юлия Юрьевна, ассистент
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: yulia.er16@gmail.com

Рассмотрено влияние констант тибетского буддизма на традиционную культуру ойратов. Исследование показывает, что идеи тибетского буддизма существенным образом воздействовали на формирование картины мира ойратов. Такие константы тибетского буддизма, как единство метода и мудрости и тантра, органично вошли в мировоззрение ойратов и в значительной степени повлияли на становление их культурного кода и менталитета. Восприняв константы тибетской буддийской культуры, ойраты создали собственную систему духовных ценностей. В результате у ойратов сформировалось убеждение о существовании их особой религиозной миссии, которую они должны исполнять в роли защитников буддийского учения. С точки зрения гендерного подхода в религиоведении, данные константы тибетского буддизма подчёркивают особую роль женского начала, что способствовало формированию у ойратов уважительного отношения к женщине и повышению её социального статуса.

Ключевые слова: ойраты, тибетский буддизм, константы, ценности, арга-билиг, метод и мудрость, тантра, тезаурусный подход, гендерный подход, женское начало

CONSTANTS OF TIBETAN BUDDHISM IN THE TRADITIONAL CULTURE OF OIRATES

Ulanov Mergen S., D. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Professor
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Erendzhenova Yulia Yu., Assistant
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
E-mail: yulia.er16@gmail.com

The article is devoted to examining the influence of Tibetan Buddhist constants on the traditional culture of Oirats. The study shows that the ideas of Tibetan Buddhism significantly influenced the formation of a picture of the world of Oirats. Such constants of Tibetan Buddhism as "the unity of method and wisdom" and "tantra" organically entered the worldview of Oirats and greatly influenced the development of their cultural code and mentality. By embracing the Tibetan Buddhist culture constants, the Oirats created their own system of spiritual values. As a result, the Oirats formed a belief in the existence of their special religious mission, which they should fulfill as defenders of Buddhist teachings. From the point of view of gender approach in religious studies, these Tibetan Buddhist constants emphasize the special role of the feminine principle, which contributed to the formation of respect for a woman in Oirat society and the enhancement of her social status.

Keywords: oirats, Tibetan Buddhism, constants, values, arga-bilig, method and wisdom, tantra, thesaurus approach, gender approach, femininity

Актуальность исследования традиционных культур и религий обусловлена современной социокультурной ситуацией, которая определяется, с одной стороны, общим духовно-нравственным кризисом общества на фоне усиливающегося процесса глобализации, а с другой, возросшим интересом людей к религиозной сфере, глобальной «реставрацией» религиоз-

³⁸ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-011-00128 «Женщина в буддийской культуре: традиции и современность» (The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-011-00128 "A Woman in Buddhist Culture: Traditions and Modernity".)

ных институтов, идеологий и практик, что, по меткому выражению французского религиоведа Ж. Кепеля, можно назвать «реваншем Бога» [21]. В отличие от светских, секулярных по своему характеру XIX и XX столетий, XXI в., вероятно, станет периодом религиозного ренессанса.

В эпоху глобализации и общецивилизационного сдвига, которые меняют ценностные основы человеческого бытия, актуальным вопросом современного мира становится поиск новых аксиологических основ и парадигм развития человечества, которые бы учитывали и использовали богатый духовно-нравственный потенциал традиционных культур и религий, имеющих многовековую историю. В данном ракурсе вполне закономерным становится обращение к тибето-монгольской цивилизации, которая выработала эффективную систему духовных ценностей и включает в себя оригинальные и одновременно универсальные нормы, идеалы и образцы. Возрастающее влияние тибетской религии на духовную жизнь западного общества за счёт богатого творческого потенциала тибетской культуры вызывает стремление учёных и мыслителей к исследованию констант и универсалий данной традиции, к поиску в ней новых идей и «открытий», необходимых для устойчивого развития современной цивилизации.

В связи с этим интерес представляет и западно-монгольская этническая общность ойратов, чья культура в значительной степени связана с культурой и религией Тибета. Исследованию формирования буддийской традиции у ойратов и их потомков калмыков посвящены многие работы исторического, этнографического, филологического и даже правоведческого характера.

Анализ духовной культуры ойратов показывает, что почти все стороны их жизни были пронизаны тибето-буддийскими идеями [1; 17]. Материалы фольклора, от эпоса «Джангар» и до бытовых пословиц и поговорок, указывают на преобладание буддийских представлений о мироздании и нравственности (в частности, учение о карме). М. Е. Тюмидова, изучив особенности менталитета калмыков, пришла к выводу, что буддизм стал важнейшим средством самоидентификации этноса и точкой опоры для всей его системы ценностей [16, с. 12]. При этом неясными до сих пор являются мотивы ойратов, побудившие их к принятию буддизма. К тому же философский анализ этнического сознания ойратов, проведённый в диссертационном исследовании Б. А. Бичеева, показал особенности их мифолого-религиозного мировоззрения, включающего религиозный синкретизм ранних верований и буддизма [3]. Наряду с этим общеизвестна история ойратов, богатая военными успехами, в том числе и в составе пограничных войск Российской империи [12]. В ряде исследований, направленных на осмысление мировоззренческих установок ойратов, большой акцент делается на их воинских качествах и сохранении высокого авторитета воина в ойратской среде [2].

Все это вызывает споры о приверженности ойратов буддийским ценностям, в частности, принципу ахимсы (ненасилия), и обуславливает теории, согласно которым ойраты приняли буддизм из чисто политических соображений для внутренней консолидации своего общества, повышения авторитета на международной арене, решения экономических вопросов. Однако, на наш взгляд, упускается из виду тот факт, что буддийская традиция Тибета, последователями которой стали ойраты, имеет ряд отличительных особенностей, вызывающих искреннюю симпатию и стойкую религиозную веру у своих адептов.

В связи с этим необходимым видится анализ интеграции мировоззренческих констант тибетской буддийской традиции в этноконфессиональное сознание ойратов, что позволит определить влияние буддийских принципов на их ценностные представления о мире. Для достижения поставленной цели следует выделить смыслообразующие доминанты тибетского буддизма и проанализировать их знание, понимание и последующую реализацию в действие у ойратов.

Если рассматривать картину мира ойратов как полный систематизированный свод знаний субъекта, выступающих в качестве средства ориентации в окружающей среде, расширяющих понимание субъектом себя и мира, дающих импульсы для многообразной жизни [7], то целесообразным считаем применение тезаурусного подхода. Ключевым фактором, играющим в пользу данной методологии, является её направленность на понимание, рассматриваемое в качестве «основания социальных и культурных ориентаций, а также творческого импульса для социокультурного конструирования реальности» [6].

При исследовании интеграции определённых элементов в картину мира субъекта, иными словами – ситуации взаимодействия двух тезаурусов, важным является применение таких понятий, как *своё*, *чужое*, *чуждое*. Тезаурусный подход позволяет исследовать, насколько длительным и сложным является процесс освоения чужого, а также последующая его трансформация в *своё* либо *чуждое*. В рамках настоящего исследования нас в большей степени

интересует влияние одной культуры на другую, тогда как их взаимовлияние требует отдельного исследования, поэтому под *своим* понимается картина мира ойратов, в то время как *чужим* является система мировоззренческих констант и универсалий тибетской буддийской культуры, которая представляет собой комплекс религиозных идей, верований и культов, известный под термином *тибетский буддизм*.

Кроме того, при исследовании констант тибетского буддизма нами используется гендерный подход, который рассматривает существующую реальность, в том числе и её конфессиональную область, сквозь призму дихотомии мужского и женского начал [8; 13]. Известно, что гендерную двойственность можно обнаружить не только в биологической и социальной сферах, но и в основе искусства, философских учений, а также религиозных догматов и культов. Известный немецкий мыслитель Ф. Ницше в труде «Рождение трагедии из духа музыки» [9] даже разработал концепцию аполлонического и дионисийского начал, которые распространяют данную дихотомию на область эстетического. Сегодня в рамках гендерного подхода в религиоведении и феминистской теологии исследователи пытаются рассматривать категории *мужского* и *женского* в поле религиозных практик, идей и культов [18]. Гендерный подход предполагает рассмотрение гендерных стереотипов и идеалов в том виде, в каком они представлены в дискурсе традиционных конфессий и религиозной философии.

Следует отметить, что тибетский буддизм длительное время находится в центре внимания буддологов ввиду его сложности и неоднозначности. Исследователи относят буддийскую религию Тибета к традиции *Ваджраяны* (алмазной колесницы), которая опирается на тантрические практики и является частью буддизма *Махаяны* (великой колесницы). Генезис этих практик часть учёных видит в результатах тесного контакта буддизма с автохтонной религией тибетцев *бон* [15, с. 52]. Другая точка зрения заключается в том, что тибетцы переняли уже существовавшую в Индии тантрическую традицию. Так, сами тибетские буддисты указывают, что тантра – это особый метод духовной практики, в основе своей имеющий все положения аутентичного буддизма и не противоречащие базовым буддийским принципам [4, с. 121].

Анализ традиционных текстов тибетского буддизма позволяет выделить общие понятия, одинаково важные для всех последователей тибетского буддизма. К таким положениям можно отнести категории *единство метода и мудрости*, *тантра*. Под *единством метода и мудрости* в тибетском буддизме понимается целостное восприятие теории пустотности и реализации бодхичитты. Постигание пустотности бытия подразумевает осознание взаимозависимости всех явлений и соответственной пустотности их самобытия вне каких-либо причин и условий. Под бодхичиттой понимается устремление к просветлению, основанное на развитии безусловных чувств любви и сострадания, спонтанно возникающих в сознании индивида.

Суть *тантры*, *тантрической практики* заключается в особой методике преодоления двойственного субъект-объектного восприятия посредством йогической психопрактики. Считается, что достижение просветления в рамках дискурсивного подхода требует довольно длительного времени (с учётом теории реинкарнации, многие жизни), тогда как тантрическая практика даёт более быстрые результаты.

Таким образом, вышеуказанные категории можно считать теми константами тибетской буддийской культуры, которые определяют её основания. Далее, в соответствии с тезаурусной методологией, необходимо выяснить следующие вопросы: насколько эти константы были восприняты ойратами, что повлекло за собой тезаурусный щелчок, насколько актуальными были для ойратов новые знания и произошёл ли тезаурусный катарсис, способствовавший перестройке их картины мира.

Система культурных констант тезауруса ойратов складывалась в процессе их исторического развития, формирования мифолого-религиозных представлений о мире, взаимодействия с другими народами Центральной Азии. На данный момент результаты ойратоведческих исследований показывают, что ойраты создали богатую культуру, которая включает эпическое наследие, совокупность мифолого-религиозных представлений, уникальную письменность *тодо бичиг* и изложенные на ней литературные и правовые памятники, военное искусство, традиционную обрядность. При этом перед исследователями стоит проблема выделения тех категорий, которые в большей степени обусловили формирование картины мира ойратов.

С. М. Белокурова исходит из того, что константы культуры ойратов определяются традиционным монгольским религиозно-философским учением *арга-билиг* (с монг. способ и талант или действие и мудрость), которое интерпретируется как диалектическое единство

противоположностей, способствующее гармонии в мире [2, с. 9]. М. Е. Тюмидова в контексте гендерного подхода также связывает учение *арга-билиг* с китайским учением об *Инь* и *Ян*, а также западной философской идеей о диалектике тезиса и антитезиса. «Реальный мир, который чувствуется и воспринимается человеком, есть только одна из форм проявления арга-билиг или проекция в нашем материальном мире. Арга и билиг, как мужское и женское начала, существуют, вечно переходя друг в друга. Каждый момент времени есть определённое сочетание арга и билиг» [16, с. 157]. Таким образом, М. Е. Тюмидова, рассматривает учение *арга-билиг* как проявление универсальных начал, мужского и женского.

В связи с этим возникает вопрос о том, что послужило основанием для этого учения и насколько правомерно связывать это с китайским философским представлением об *Инь-Ян*. На наш взгляд, учение *арга-билиг* может иметь не только философско-диалектический, но и религиозно-философский аспект. Так, прямой перевод терминов *арга* как способ, а *билиг* как мудрость, указывает на константу тибетского буддизма *единство метода и мудрости*.

В традиции махаянских сутр, методом выступает прежде всего бодхичитта как искренняя устремлённость личности к просветлению на благо всех живых существ, чтобы, обретя просветление, стать способным помогать другим достичь состояния Будды. В основе бодхичитты лежит сильнейшее чувство сострадания, т. е. стремление освободить всех существ от страданий и их причин. Для того чтобы взрастить такое устремление, в буддизме существуют два метода. Один из методов зарождения бодхичитты – это возвращение её с помощью семи причинно-следственных размышлений. Данный метод был разработан ещё индийскими пандитами и изложен в фундаментальном труде «Ламрим ченмо» тибетского реформатора Цонкапы. В «Ламрима» подробно разъясняются этапы развития бодхичитты, в частности, восприятие всех живых существ как своих матерей, памятование об их доброте, желание воздать за их доброту, возвращение сострадания и собственно бодхичитта.

Таким образом, согласно данному методу, для того чтобы взрастить бодхичитту, необходимо опираться на предыдущие этапы, т. е. воспринимать всех живых существ как матерей. «Учитывая психотип женщины-матери, которая бескорыстно любит своего ребёнка и готова пожертвовать собой ради его блага, буддизм использует данное утверждение для культивирования бодхичитты в сотериологическом контексте. Ойраты, принявшие в качестве официальной религии буддизм Махаяны, усвоили этот постулат. Буддийский взгляд на материнскую любовь способствовал более глубокому пониманию роли женщины и сакрализации образа матери в культуре ойратов» [19, с. 137].

Мудрость в махаянском буддизме предстает как высшая запредельная мудрость, т. е. постижение пустотности, понимание того, что все феномены не существуют таким образом, как нам это кажется. Философия пустотности, изложенная в буддийских трактатах индийских философов Нагарджуны, Чандракирти и др., восходит к махаянским сутрам Праджняпарамиты, или запредельной мудрости, которая в тибетской традиции проявляется как женское божество. Её также называют матерью всех будд и высшей природой всего сущего. Сутры, связанные с Праджняпарамитой, были переведены на ойратский язык и пользовались большой популярностью в народе.

В целом, махаянское учение о методе и мудрости, ставшее универсалией тибетского буддизма, вполне согласуется с учением *арга-билиг*. Таким образом, можно предположить, что диалектическое восприятие мира, определяющее ценности для ойратов, связано прежде всего с буддийским учением.

Буддийская этика, опирающаяся на метод бодхичитты, способствовала тому, что воинственные кочевники при сохранении былого достоинства стали более мягкими, доброжелательными и терпимыми [1, с. 86]. Распространение тибетского буддизма среди ойратов способствовало улучшению положения женщин и поднятию их социального статуса.

В данном случае следует обратиться к другой константе и универсалии тибетской буддийской культуры – *тантре*, или *тантрической практике*. Буддийская тантра демонстрирует нам чёткое понимание женского и мужского начал, а также даёт пример идеальных духовных, мистических взаимоотношений между ними. В тибетской тантре существует образ дакини, который наиболее ярко выражает принцип женского начала в эзотерическом буддизме. Считается, что дакини могут проявляться как в форме обычных женщин, так и в образе божества, имеющего мирную или гневную форму. Для того чтобы вступить в творческий контакт

с позитивными женскими энергиями, тантрические йогины выполняли особого рода тайные психофизические практики (подробнее: [20]).

Тантра была разработана как особый метод йогической работы над сознанием и внутренними энергиями для достижения полного просветления во благо всех существ. Сотериологический контекст весьма важен в тантре, поскольку только альтруистическая мотивация благоприятствует духовному самосовершенствованию [4, с. 130]. Обширный тантрический культ тибетского буддизма включает гипостазированных существ мирного и устрашающего вида, магические ритуалы и рецитации заклинаний (мантр, дхарани).

Следует отметить, что тибетский тантризм начал распространяться среди ойратов и монголов довольно рано. Так, известный ойратский просветитель Нейджи-тойн в процессе распространения буддизма в разных областях Монголии нередко даровал тантрические посвящения, разъясня мирянам смысл тибетских эзотерических практик. Вероятно, раскрывая широким массам населения секретные тантрические учения, просветитель исходил из установки, что самым главным в деле распространения буддизма является возникновение к нему стойкого интереса, который формировался посредством проведения пышных и красивых тантрических ритуалов, привлекавших значительное число людей. Вслед за Нейджи-тойном, монахи тантрической традиции проводили среди ойратов сложные тантрические ритуалы, направленные на улучшение здоровья и качества жизни, создание благоприятных условий для реализации замыслов и т. д. Именно это, на наш взгляд, могло привлечь наибольшее внимание ойратов в тот период, когда в их обществе происходили значительные преобразования.

Известно, что уже в первой половине XVII в. произошла консолидация ойратского общества, способствовавшая созданию трёх крупных государственных образований ойратов – Джунгарского, Хошутского и Калмыцкого ханств, которые занимали огромную территорию на карте Евразии. Несомненно, подъём был обусловлен рядом причин, в числе которых могла быть и трансформация картины мира ойратов за счёт их знакомства с тибетским буддизмом. Благодаря деятельности буддийских просветителей уже на съезде 1640 г. при принятии свода монголо-ойратских законов буддизм был объявлен государственной религией для всех монгольских народов, как для халха-монголов, так и для ойратов [5]. В преамбуле данных законов изложены все основные константы тибетского буддизма, а также перечислены имена наиболее почитаемых на тот момент среди ойратов буддийских иерархов Тибета. Важно отметить, что ойраты сыграли значительную роль в укреплении традиции Гелуг в Тибете. Так, ойратский правитель Гүши-хан в результате военных действий захватил трон Тибета и передал власть Далай-ламе, за что был удостоен последним титула Номин-хана (хан Учения).

В целом, ойраты восприняли ту информацию, которая была актуальна для них и, тем самым, представляла наибольший интерес. К такой информации мы относим сотериологическое учение о достижении счастья и гармонии в обществе посредством тантрической практики. Все элементы тибетского тантрического культа присутствовали в религиозной традиции ойратов: при монастырях функционировали тантрические отделения, монахи совершали ежедневные ритуалы, а изображения тантрических божеств имелись на алтаре каждой семьи.

Особым почитанием у ойратов пользовалась богиня Окон Тенгри (тиб. Палден Лхамо), которая в тибетском тантрическом буддизме позиционируется как защитница Учения. Её грозный вид (языки пламени, гневное выражение лица и т. д.) является персонификацией активной борьбы посредством использования гнева со всем тем, что препятствует достижению просветления существами, а именно, их собственное двойственное восприятие реальности и эгоцентрическая направленность сознания. Тем не менее, ойраты склонны были буквально воспринимать Окон Тенгри как воительницу и защитницу от различного рода врагов [14]. В походах ойратские воины шли под стягами, изображающими Окон Тенгри и других божествоохранителей буддийского пантеона. Окон Тенгри традиционно считается хранительницей и защитницей потомков ойратов – калмыков.

Вероятно, ойраты могли себя воспринимать как «святое» войско под руководством гневной богини. Г. Прозрителев сообщает интересные сведения со слов своего современника, ойрат-калмыцкого князя С. Тюменя, о том, что знамена с изображениями божеств имеют своей целью «стремление к победе для достижения на земле общего счастья (мира)» [12, с. 90–95]. Это наводит на мысль, что ойраты с воинской службой связывали некую религиозную миссию, в рамках которой они должны были защищать буддийское учение, используя военную силу. Это и можно считать тезаурусным катарсисом, к которому пришли ойраты в процессе понимания

мировоззренческих универсалий тибетской буддийской культуры. Осознание же себя исполнителями этой миссии способствовало усилению военной мощи ойратов.

Следует отметить, что в тибетском и ойратском буддизме женские божества пользовались большой популярностью. Пожалуй, самая известная богиня их пантеона – Тара. Считается, что она появилась из слез самого Авалокитешвары – будды сострадания. Известны двадцать одна форма богини, самые популярные из которых – Зелёная и Белая Тары. По преданию, Тара достигла просветления, будучи женщиной. Она дала обещание, что будет помогать всем живым существам в избавлении от страданий, пока колесо сансары не опустеет. Богиня Тара, являясь олицетворением сострадания и активности, призвана защищать всех просящих от напастей и невзгод. На изображениях-танках она сидит в позе полупотоса: одна нога согнута, другая – спущена вниз, таким образом, богиня Тара как бы готова в любой момент устремиться на помощь. Среди ойратов значительную популярность имели буддийские предания о женщинах, считавшихся реинкарнациями Белой Тары [10; 11]. В целом, женские божества буддийского пантеона завораживают, а их образы глубоко запечатлеваются в памяти.

Итак, исследование показывает, что идеи тибетского буддизма существенным образом повлияли на формирование картины мира ойратов. Такие константы тибетского буддизма, как *единство метода и мудрости*, *тантра* органично вошли в мировоззрение ойратов и в значительной степени повлияли на формирование их культурного кода и менталитета. Восприняв константы тибетской буддийской культуры, ойраты создали собственную систему ценностей, основанную на идее единства мудрости и метода и тантрическом мировоззрении. Последнее сформировало веру в существование их особой религиозной миссии, которую они должны выполнить в роли защитников священного учения. С точки зрения гендерного подхода в религиоведении, данные константы тибетского буддизма подчёркивают особую роль женского начала, что способствовало формированию у ойратов уважительного отношения к женщине и повышению её социального статуса.

Список литературы

1. Бадмаев, В. Н. Духовная культура калмыцкого этноса (опыт философского исследования) / В. Н. Бадмаев, Н. Ц. Манджиев, М. С. Уланов. – Элиста : Калмыцкий ун-т, 2012. – 156 с.
2. Белокурова, С. М. Мировоззренческое содержание культурных констант ойратов / С. М. Белокурова. – Барнаул, 2011. – 22 с.
3. Бичеев, Б. А. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков / Б. А. Бичеев. – Ставрополь, 2005. – 364 с.
4. Далай-лама XIV. Мир тибетского буддизма. Обзор его философии и практики / Далай-лама XIV. – Санкт-Петербург : Нартанг, 2002. – 228 с.
5. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. – 148 с.
6. Луков, Вал. А. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 1. – С. 18–35.
7. Луков, Вал. А. Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков. – Москва : Национальный ин-т бизнеса, 2008. – 784 с.
8. Максатова, Д. М. Гендерный подход в религиоведении и психологии / Д. М. Максатова // Актуальные проблемы развития вертикальной интеграции системы образования, науки и бизнеса: экономические, правовые и социальные аспекты. – Воронеж : Воронежский центр научно-технической информации, 2015. – С. 47–52.
9. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше // Малое собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Азбука – классика, 2010. – С. 7–134.
10. Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повесть о Багамай-хатун»). – Элиста : Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2013. – 248 с.
11. Повесть-наказ Цаган Дара-эхэ (Повесть о Нарану Гэрэл). – Санкт-Петербург : Институт востоковедения РАН, 2015. – 199 с.
12. Прозрителев, Г. Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года / Г. Прозрителев. – Ставрополь, 1912. – 354 с.
13. Суковатая, В. А. Религиоведение: гендерный подход / В. А. Суковатая // Высшее образование в России. – 2001. – № 6. – С. 123–129.
14. Сыртыпова, С.-Х. Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (миф, ритуал, письменные источники) / С.-Х. Сыртыпова. – Москва : Восточная литература, 2003. – 238 с.
15. Туччи, Дж. Религии Тибета / Дж. Туччи. – Санкт-Петербург : Евразия, 2005. – 448 с.
16. Тюмидова, М. Е. Менталитет калмыцкого этноса: историко-культурологический анализ / М. Е. Тюмидова. – Астрахань, 2018. – 180 с.
17. Уланов, М. С. Калмыцкий буддизм: исторический опыт и современные социальные реалии / М. С. Уланов // Народы Калмыкии: проблемы национального самосознания и толерантности. – Элиста : Калмыцкий технологический ин-т, 2008. – С. 129–136.

18. Уланов, М. С. Дионисийское и аполлоническое начала в религиозной традиции Калмыкии / М. С. Уланов // Мужское и женское: сотрудничество и конфронтация. – Санкт-Петербург : Горный университет, 2016. – С. 303–307.
19. Уланов, М. С. Образ женщины-матери в махаянской традиции буддизма (на примере буддийской культуры ойратов) / М. С. Уланов, Ю. Ю. Эрендженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4 (57). – С. 137–144.
20. Шо, М. Страстное просветление. Женщины в тантрическом буддизме / М. Шо. – Москва : Добрая книга, 2001. – 368 с.
21. Kepel, G. *Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity, and Judaism in the Modern World* / G. Kepel. – University Park : Pennsylvania State University Press, 1994. – 215 p.

References

1. Badmaev V. N., Mandzhiev N. C., Ulanov M. S. *Dukhovnaya kultura kalmytskogo etnosa (opyt filosofskogo issledovaniya)* [Spiritual culture of the Kalmyk ethnos (experience of philosophical research)]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2012, 156 p.
2. Belokurova S. M. *Mirovozzrencheskoe sodержanie kulturnykh konstant oyratov* [The worldview content of cultural constants of the Oirats]. Barnaul, 2011, 22 p.
3. Bicheev B. A. *Mifologo-religioznye osnovy formirovaniya etnicheskogo soznaniya kalmykov* [The mythological and religious foundations of the formation of the ethnic consciousness of the Kalmyks]. Stavropol, 2005, 364 p.
4. Dalay-lama XIV. *Mir tibetskogo buddizma. Obzor ego filosofii i praktiki* [The world of Tibetan Buddhism. Overview of his philosophy and practice]. St. Petersburg, Nartang Publ., 2002, 228 p.
5. Ikh Caaz ("Velikoe ulozhenie"). *Pamyatnik mongolskogo feodalnogo prava XVII v. Oyratskiy tekst* [Ikh Caaz ("The Great Code"). Monument to the Mongolian feudal law of the XVII century. Oirat text.]. Moscow, Nauka Publ., Home Edition Oriental Literature Publ., 1981, 148 p.
6. Lukov Val. A., Lukov Vi. A. *Metodologiya tezaurusnogo podhoda: strategiya ponimaniya* [Methodology of the thesaurus approach: strategy of understanding]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2014, no. 1, pp. 18–35.
7. Lukov Val. A., Lukov Vi. A. *Tezaurusy: Subektnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya* [Thesauruses: The Subject Organization of Humanitarian Knowledge]. Moscow, National Institute of Business Publ., 2008, 784 p.
8. Maksatova D. M. *Gendernyy podkhod v religiovedenii i psihologii* [Gender approach in religious studies and psychology]. *Aktualnye problemy razvitiya vertikalnoy integratsii sistemy obrazovaniya, nauki i biznesa: ekonomicheskie, pravovye i sotsialnye aspekty* [Actual problems of the development of vertical integration of the education system, science and business: economic, legal and social aspects]. Voronezh, Voronezh Center for Scientific and Technical Information Publ., 2015, pp. 47–52.
9. Nitsche F. *Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki* [The birth of the tragedy from the spirit of music]. *Nitsche F. Maloe sobranie sochineniy* [Nitsche F. Small Collected Works]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010, pp. 7–134.
10. *Oyratskaya versiya "Istorii Belay Tary"* ("Povest o Bagamay-khatun") [Oirat version of "The History of White Tara" ("The Tale of Bahamay-Khatun")]. Elista, Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the RAS Publ., 2013, 248 p.
11. *Povest-nakaz Tsagan Dara-ekhe ("Povest o Naranu Gerel")* [Tale-Challenge Tsagan Dara-ehe (Tale of Naranu Gera)]. St. Petersburg, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2015, 199 p.
12. Prozritelev G. *Voennoe proshloe nashikh kalmykov. Stavropolskiy kalmytskiy polk i Astrahanskiy polk v Otechestvennuyu voynu 1812 goda* [The military past of our Kalmyks. Stavropol Kalmyk regiment and Astrakhan regiments in the Patriotic War of 1812]. Stavropol, 1912, 354 p.
13. Sukovataya B. A. *Religiovedenie: gendernyy podkhod* [Religious studies: a gender approach]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2001, no. 6, pp. 123–129.
14. Syrtypova S.-Kh. *Kult bogini-khranitelitsy Baldan Lkhamo v tibetskom buddizme (mif, ritual, pismennye istochniki)* [The cult of the guardian goddess Baldan Lhamo in Tibetan Buddhism (myth, ritual, written sources)]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2003, 238 p.
15. Tuchchi Dzh. *Religii Tibeta* [Religions of Tibet]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2005, 448 p.
16. Tyumidova M. E. *Mentalitet kalmytskogo etnosa: istoriko-kulturologicheskiy analiz* [The mentality of the Kalmyk ethnos: a historical-culturological analysis]. Astrahan, 2018, 180 p.
17. Ulanov M. S. *Kalmytskiy buddizm: istoricheskiy opyt i sovremennyye sotsialnye realii* [Kalmyk Buddhism: Historical Experience and Modern Social Reality]. *Narody Kalmykii: problemy natsionalnogo samosoznaniya i tolerantnosti* [Peoples of Kalmykia: Problems of National Identity and Tolerance]. Elista, Kalmyk Institute of Technology Publ., 2008, pp. 129–136.
18. Ulanov M. S. *Dionisiyskoe i apollonicheskoe nachala v religioznoy traditsii Kalmykii* [Dionysian and Apollonian principles in the religious tradition of Kalmykia]. *Muzhskoe i zhenskoe: sotrudnichestvo i konfrontatsiya* [Male and female: cooperation and confrontation]. St. Petersburg, Mining University Publ., 2016, pp. 303–307.
19. Ulanov M. S., Erendzhenova Yu. Yu. *Obraz zhenshchiny-materi v makhayanskoj traditsii buddizma (na primere buddiyskoy kultury oyratov)* [The Image of a Mother Woman in the Mahayana Tradition of Buddhism (Using the Oirats Buddhist Culture as an Example)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2018, no. 4 (57), pp. 137–144.
20. Sho M. *Strastnoe prosvetlenie. Zhenshchiny v tantricheskom buddizme* [Passionate Enlightenment. Women in Tantric Buddhism]. Moscow, Dobraya kniga Publ., 2001, 368 p.
21. Kepel G. *Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity, and Judaism in the Modern World*. University Park, Pennsylvania State University Press, 1994, 215 p.